

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 343.1
ББК 67.410.2



**М.С. СТРОГОВИЧ:
ТЕОРЕТИК СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

© 2023 г. А. Н. Савенков*, С. Б. Россинский**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: an61s@yandex.ru*

***E-mail: s.rossinskiy@gmail.com*

Поступила в редакцию 09.10.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена жизни, творчеству и научному наследию выдающегося советского ученого-процессуалиста, члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Михаила Соломоновича Строговича (1894–1984).

Рассматриваются основные этапы профессионального пути ученого: от обучения в гимназии и институте до заслуженного признания лидером советской уголовно-процессуальной науки. Анализируются наиболее существенные публикации автора, посвященные природе уголовного процесса, состязательности, презумпции невиновности, обеспечению прав личности и другим важнейшим вопросам, возникающим в связи с предварительным расследованием и судебным разбирательством уголовных дел. Высказанные М.С. Строговичем позиции оцениваются с точки зрения востребованности для развития современной уголовно-процессуальной доктрины, современного законодательства и правоприменительной практики.

При подготовке статьи использовались материалы личного дела М.С. Строговича и другие документы из архива Института государства и права РАН.

Ключевые слова: Институт государства и права РАН, Михаил Соломонович Строгович, обвинение, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, принцип состязательности, советское правосудие, социалистическая законность, уголовное преследование, уголовный процесс.

Цитирование: Савенков А.Н., Россинский С.Б. М.С. Строгович: теоретик советского уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 11. С. 7–28.

DOI: 10.31857/S102694520028704-5

M.S. STROGOVICH: THEORIST OF THE SOVIET CRIMINAL PROCEDURE

© 2023 A. N. Savenkov*, S. B. Rossinskiy**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 09.10.2023

Abstract. The article is dedicated to the life, work and scientific heritage of the outstanding Soviet scientist-proceduralist, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Mikhail S. Strogovich (1894–1984).

The main stages of the scientist's professional path are considered: from studying at a gymnasium and institute to well-deserved recognition as the leader of Soviet criminal procedure science. The author's most significant publications are analyzed, which are devoted to the nature of the criminal process, adversarialism, the presumption of innocence, ensuring individual rights and other important issues that arise in connection with the preliminary investigation and trial of criminal cases. Expressed by M.S. Strogovich evaluates the positions from the point of view of their relevance for the development of modern criminal procedure doctrine, modern legislation and law enforcement practice.

When preparing the article, materials from personal file were used M.S. Strogovich and other documents from the archives of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Mikhail S. Strogovich, accusation, the right of the accused to defense, presumption of innocence, principle of competition, Soviet justice, socialist legality, criminal prosecution, criminal process.

For citation: Savenkov, A.N., Rossinskiy, S.B. (2023). M.S. Strogovich: theorist of the Soviet Criminal Procedure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 7–28.



На общем фоне множества ученых-процессуалистов, живших и работавших в советский период развития уголовной юстиции, всегда выделялось и продолжает выделяться имя члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Михаила Соломоновича Строго-

вича. Это имя известно каждому человеку, так или иначе связанному с научными исследованиями в области судостроительства, судопроизводства, правоохранительной и правозащитной деятельности. М.С. Строгович – не просто крупный ученый-правовед. Он был и остается общепризнанным научным лидером, «патриархом» советского уголовного процесса, одним из создателей советской уголовно-процессуальной доктрины и советского уголовно-процессуального законодательства. Его долгая и насыщенная жизнь – наглядный пример

честного и преданного служения своей стране, законности и юридической науке.

Михаил Соломонович – потомственный юрист. Он родился 29 (17) сентября 1894 г. в Санкт-Петербурге, однако вскоре семья переехала в Москву. Его отец, Соломон Юльевич, много лет служил в Управлении Московско-Курской железной дороги, а после революции работал в советских государственных учреждениях; мать, Софья Моисеевна, была домохозяйкой.

В 1913 г. М.С. Строгович окончил с серебряной медалью 2-ю Московскую гимназию¹, а в 1915 г. поступил на экономический факультет Московского коммерческого института, впоследствии переименованного в Институт народного хозяйства им. К. Маркса (ныне – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова); одновременно начал подрабатывать частными уроками. Однако намерения стать экономистом так и не

¹ См.: «Московская 2-я гимназия.: Жирмунский Александр, Строгович Михаил, Тонис Адольф» (см.: Сведения о лицах иудейского исповедания, допущенных к выпускным и окончательным экзаменам зрелости в 1913 г. по учебным заведениям Московского учебного округа // ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 14. Д. 27. Л. 78).

были доведены до конца – сказалась «юридическая» наследственность. Уже на втором курсе института студент Строгович увлекся правоведением и начал скрупулезно изучать правовые, в том числе «судебные», дисциплины.

Полностью завершить очное образование Михаил Соломонович так и не смог: помешала революция. В 1918 г. он начал трудовую деятельность в качестве секретаря одного из отделов Народного комиссариата просвещения, а затем служил экономистом отдела экономических исследований Высшего совета народного хозяйства РСФСР, в связи с чем в 1919 г. был вынужден временно прервать свое пребывание в институте. Возможность закончить обучение представилась лишь через несколько лет: в 1923 г. М.С. Строгович без отрыва от службы успешно сдал оставшиеся экзамены, а в 1924 г. подготовил и защитил дипломную работу «Суд и администрация», удостоенную самой высокой оценки: «весьма удовлетворительно».

Начало профессиональной деятельности М.С. Строговича в сфере уголовной юстиции было положено в 1920 г., когда его как молодого и перспективного специалиста приняли на работу секретарем в штат только что организованного Главного революционного военного трибунала войск внутренней охраны. Это был сложный период формирования институтов вновь образованной социалистической государственности, в том числе ранней советской системы судебных и правоохранительных органов, – время, когда ввиду понятных причин многие энергичные, талантливые, склонные к усердию и проявлявшие работоспособность молодые люди могли рассчитывать на стремительный карьерный рост и быстрое продвижение по службе. По всей вероятности, Михаил Соломонович полностью оправдал проявленное к нему доверие и возложенные на него надежды, поскольку всего через год возглавил отдел статистики Революционного военного трибунала Республики, потом – организационно-инструкторский отдел расположенного в Орджоникидзе Северо-Кавказского отделения Верховного трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, а в 1923 г. (в 29 лет!) стал следователем-докладчиком Верховного Суда РСФСР.

Следующие 15 лет жизни М.С. Строговича были посвящены практической деятельности в органах советской прокуратуры: он служил помощником прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, занимал ответственные должности в Прокуратуре РСФСР, а затем и в Прокуратуре СССР; в течение нескольких лет работал под непосредственным руководством прокурора СССР А.Я. Вышинского. Именно тогда и был накоплен бесценный практический опыт, впоследствии

сыгравший огромную роль в его доктринальных изысканиях по проблемам уголовной юстиции.

В этих непростых условиях без отрыва от прокурорской практики он начал заниматься научной работой, активно писал и публиковался, в своих книгах и статьях часто спорил с оппонентами, по многим вопросам имел собственную, далеко не всегда разделяемую коллегами, в том числе А.Я. Вышинским, точку зрения; с 1937 г. по совместительству стал работать в Институте права АН СССР.

Прекрасно понимая predeterminedенную многолетними национальными традициями взаимосвязь исследовательской и педагогической деятельности, осознавая невозможность проведения подлинно научных изысканий без тесного контакта с ведущей профессурой и студенческой аудиторией, Михаил Соломонович находил возможность преподавать в высших учебных заведениях, в частности с 1933 г. читал лекции, проводил семинарские занятия, а затем и заведовал кафедрой на юридическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, преподавал во Всесоюзной правовой академии, в Юридическом институте Прокуратуры СССР, а с 1933 по 1934 г. занимал должность заместителя директора Московского юридического института им. П.И. Стучки.

В 1938 г. М.С. Строгович успешно защитил докторскую диссертацию «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности», став одним из первых советских докторов юридических наук в области уголовного судопроизводства. В 1939 г. за выдающиеся научные достижения заслужил высокое признание академического сообщества – был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В это же самое время оставил прокурорскую практику и всецело сосредоточился на научной деятельности – по приглашению А.Я. Вышинского перешел на постоянную работу в Институт права АН СССР, где вскоре начал заведовать секцией судебного права, одновременно заняв ответственный пост ученого секретаря.



Однако уже в 1941 г. работу в Институте права АН СССР пришлось оставить: началась война. Михаил Соломонович был мобилизован в Красную Армию и вместе со многими учеными-правоведами в звании военного юриста 1-го ранга направлен для прохождения службы в Военно-юридическую академию РККА в качестве

профессора, а затем и начальника кафедры судебного права. В 1943 г. вступил в ВКП(б). Во время немецкого наступления на Москву совместно с другими преподавателями и слушателями академии был эвакуирован в Среднюю Азию, в Ашхабад. Но даже находясь в глубоком тылу и отдавая большие силы обучению весьма востребованных для нужд фронта военных юристов, он изыскивал возможности для продолжения научной работы. Беспokoившие автора в этот сложный период проблемы по понятным причинам в основном были связаны с военно-уголовной юстицией, организацией и деятельностью военно-следственных, военно-прокурорских и военно-судебных органов. В начале 1942 г. ученый на время вернулся из эвакуации, отправился с группой других специалистов на Калининский фронт, где в течение нескольких недель собирал эмпирические данные для своих исследований. Итоги всех этих усилий нашли отражение в ряде публикаций, в частности в учебнике уголовного процесса для военных юристов (1941), учебных пособиях «Обвинительное заключение» (1942), «Предание суду военного трибунала» (1942), «Гарантии установления материальной истины в боевой обстановке» (1943) и др.

Во время Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками М.С. Строгович наряду с К.П. Горшениным, А.Н. Трайниным, Б.С. Маньковским, Л.Ф. Кузьминым и другими известными правоведами был включен в возглавляемую А.Я. Вышинским специальную Комиссию, созданную при Главном обвинителе от СССР для научного консультирования советской делегации². Комиссии удалось сформулировать целый ряд предложений и практических рекомендаций, поспособствовавших изобличению обвиняемых в совершении инкриминируемых им военных преступлений, не выходя за рамки общепризнанных на тот момент принципов судебного права и канонов правосудия.

В течение нескольких послевоенных лет Михаил Соломонович оставался сотрудником Военно-юридической академии РККА (впоследствии — Военно-юридической академии Советской Армии) — ввиду ряда объективных обстоятельств начальство отказывалось удовлетворять прошения о его демобилизации. Окончательно распрощаться с военной службой и с новыми силами погрузиться в научно-исследовательскую деятельность удалось лишь в 1952 г.

С этого времени основным местом работы М.С. Строговича вновь стал Институт права АН СССР (впоследствии — Институт государства и права

² См. подр.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 310.

АН СССР); ученый находился в его стенах еще более 30 лет, до последних дней жизни. В разные годы он возглавлял сектор проблем социалистической законности, сектор конституционных проблем социалистических государств, сектор уголовного права и процесса, сектор общих проблем уголовного судопроизводства. Одновременно М.С. Строгович продолжал активно заниматься педагогической деятельностью: читал лекции в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции, в Высшей школе МВД СССР, руководил кафедрой права в Академии общественных наук при ЦК КПСС и т.д.

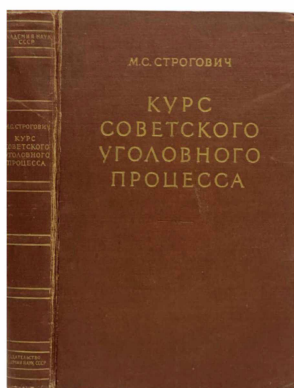
Путь ученого к общему признанию и вершинам научной славы был далеко не безоблачным. За свою долгую жизнь Михаилу Соломоновичу пришлось столкнуться с множеством трудностей и преград, неоднократно испытать на себе проiski врагов и недоброжелателей. Например, ввиду «неправильности» происхождения окончивший гимназию с серебряной медалью (!) М.С. Строгович сразу не смог поступить в высшее учебное заведение — такая возможность представилась лишь через два года. По этой же причине в 1949 г., несмотря на долгую службу в прокуратуре и Вооруженных Силах, он попал в число главных «космополитов» советской юриспруденции и в течение нескольких последующих лет находился в опале, подвергаясь систематической травле и гонениям. Тогда как в 1976 г., будучи выдвинут в качестве кандидата в действительные члены Академии наук СССР, Михаил Соломонович, напротив, пострадал именно из-за своего прокурорского прошлого, в частности из-за работы под руководством А.Я. Вышинского. Он был необоснованно обвинен в причастности к известным политическим репрессиям, поэтому не получил требуемой поддержки в академической среде — на Общем собрании членов АН СССР его кандидатура не набрала необходимого количества голосов³.

М.С. Строгович внес значительный вклад в развитие советской юридической науки в целом и уголовно-процессуальной доктрины в частности. За свою плодотворную жизнь он опубликовал свыше 300 научных работ, включая более 20 крупных монографий и целый ряд статей в ведущих юридических журналах⁴. Большую часть его творческого

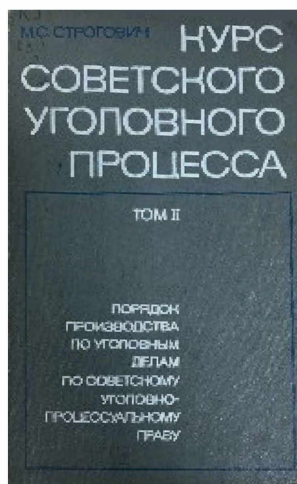
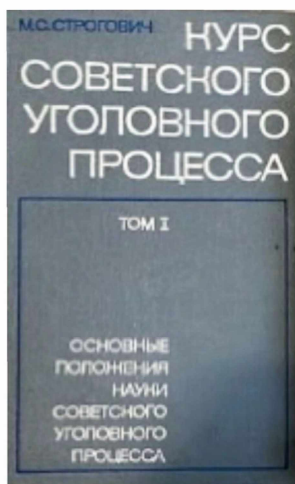
³ Подробнее см.: Кудрявцев В.Н. Грустный эпизод // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 190–196.

⁴ См., напр.: Строгович М.С. К реформе уголовно-процессуального кодекса // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 156–168; *Его же*. О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 55–70; *Его же*. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1953. № 7. С. 58–72; *Его же*. О дознании

наследия составляют учебно-методические публикации, в том числе несколько авторских учебников уголовного процесса, предназначенных для различных категорий обучающихся: от слушателей курсов советского права до студентов классических университетов.



В качестве особой заслуги ученого надлежит признать подготовку фундаментального «Курса советского уголовного процесса», первоначально опубликованного в виде единой книги (1958), а затем существенно доработанного и переизданного в двух томах (1968, 1970). Курс представляет собой систематизирован-



ное изложение уголовно-процессуальной доктрины, поэтому до сих пор остается востребованным, является настольной книгой для многих ученых-процессуалистов и рекомендуется для обязательного изучения всем аспирантам, адъюнктам,

и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Соц. законность. 1957. № 5. С. 19–26; *Его же*. О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1962. № 2. С. 106–114; *Его же*. Философия и правоведение (Некоторые методологические вопросы юридической науки) // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 74–82; *Его же*. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. 1974. № 9. С. 50–53; *Его же*. Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 5. С. 72–78; *Его же*. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 70–76; *Его же*. Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5. С. 45–52.

иным начинающим исследователям проблем уголовного судопроизводства.



Другие работы автора также получили должное признание юридической общественности и вызвали множество положительных откликов, а его монография «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (1955) была удостоена премии Президиума Академии наук СССР. Некоторые публикации М.С. Строговича были переведены на иностранные языки.

При этом круг интересов ученого не ограничивался лишь вопросами уголовного судопроизводства – Михаил Соломонович нередко выходил за рамки собственно уголовно-процессуальной науки и увлеченно работал над смежными, а иногда и достаточно отдаленными проблемами. Например, он являлся соавтором трех крупных работ по теории государства и права: двух вузовских учебников (1940, 1949) и коллективного труда «Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве» (1962). Неоднократно принимал участие в подготовке публикаций, посвященных общим проблемам социалистической законности и обеспечения прав советских граждан, интересовался методологией юридической науки.



Имя ученого можно обнаружить в числе авторов известной монографии «Проблемы судебной этики» (1974); его же перу принадлежат несколько адресованных будущим военным юристам учебных пособий по логике (1941, 1946, 1948) и др. Кроме того, М.С. Строгович был талантливым публицистом, излагал свои мысли в понятной для широких масс литературной форме. В частности, им был подготовлен памфлет «Свободу греческим патриотам!» (1959), написаны брошюры «Социалистическая законность – незабываемый принцип нашей общественной жизни» (1969), «Судебный процесс над убийцей Жана Жореса» (1971).

Михаил Соломонович постоянно выступал с открытыми лекциями и научными докладами. Он свободно владел английским, немецким и французским языками и неоднократно направлялся в зарубежные командировки. Например, в 1946 г. представлял советскую правовую науку на первом учредительном съезде Ассоциации юристов-демократов в Париже, в 1957 г. участвовал в работе VII конгресса Международной ассоциации уголовного права в Афинах, посещал ГДР, Нидерланды, Португалию, другие страны, в 1959 г. был избран действительным членом Польской академии наук, а в 1975 г. — почетным доктором Ягеллонского университета в Кракове. Его выступления всегда отличались содержательностью, яркостью и харизматичностью, вызывали живой интерес, обычно завершались множеством вопросов, сопровождались бурными и продолжительными аплодисментами.

Будучи одним из самых крупных ученых-правоведов, М.С. Строгович много времени посвящал правотворческой, консультационной и общественной деятельности. В конце 50-х годов именно ему как бесспорному лидеру советских процессуалистов было доверено возглавить Комиссию, созданную для подготовки известной реформы уголовно-процессуального законодательства и разработки Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. На протяжении нескольких десятилетий ученый являлся членом Научно-методического совета Прокуратуры СССР, принимал активное участие в работе других консультативных органов, а с 1946 по 1955 г. заведовал редакцией права издательства «Иностранная литература» при Совете Министров СССР.

За многолетний труд, большие достижения и успехи в научно-исследовательской, педагогической и других видах деятельности, пропаганду советского права М.С. Строгович был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени, орденов Октябрьской Революции и Дружбы народов, медалей «За боевые заслуги», «За доблестный труд», ряда других государственных наград, имел множество грамот и благодарностей, в том числе за разработку проекта Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

* * *

Начало плодотворной научной деятельности М.С. Строговича совпало с периодом становления и развития ранней советской уголовной юстиции в целом и уголовного судопроизводства в частности. Это было время, когда ввиду завершения послереволюционных потрясений, перехода Советского государства к новой экономической политике и постепенного восстановления мирной жизни

потребовались более «спокойные», социально ориентированные по сравнению с военным коммунизмом формы и методы государственного администрирования, когда понадобилось создание полноценной, присущей любой цивилизованной стране системы права и законодательства, когда появились запросы на частичное возрождение исконных правовых ценностей, когда возникла необходимость в реставрации понятия «закон» и категории «законность», когда на смену «судебным» декретам и неоднократно корректируемым временным правилам революционно-уголовной, в первую очередь трибунальной, юстиции пришли положения первых подлинно кодифицированных источников советского уголовно-процессуального права — «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого всего через несколько месяцев «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.

Разработанная в достаточно сжатые сроки группой советских юристов с дореволюционным прошлым система уголовно-процессуального законодательства во многом основывалась на признаваемых буржуазными пережитками, а фактически никем не отвергнутых прежних доктринальных подходах к уголовной юстиции, в том числе к механизмам дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел. Итоги правотворческой деятельности начала 20-х годов были детерминированы преимущественными намерениями, заменив «вывески», т.е. поменяв наименования судебных и правоохранительных органов на более революционные, в целом сохранить передовые для своего времени, детально выверенные и достаточно хорошо апробированные постулаты классической романо-германской модели уголовного судопроизводства, лежащие в основе уголовно-процессуального права Российской Империи.

Вместе с тем, невзирая на высокую степень преемственности по отношению к дореволюционным подходам, советская система уголовной юстиции ввиду известных причин — идеологической несовместимости, принципиально новой модели организации государственного управления и т.д. — уже не могла полностью соответствовать дореволюционным лекалам; принятые в этой сфере нормативные акты, в частности Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг., серьезно отличались от «царского» законодательства. А наметившиеся практически сразу вызванные усилением репрессивности уголовного судопроизводства и кадровым голодом правотворческие тенденции стали импульсом для еще большего отдаления от классических романо-германских постулатов и инкрементального формирования собственной, самобытной,

в определенном смысле уникальной советской модели уголовного судопроизводства⁵.

В этой связи возникла объективная необходимость в надлежащем доктринальном обеспечении проводившихся преобразований, научном осмыслении осуществляемых реформ; появились запросы на подготовку адресованной претендентам на работу в органах уголовной юстиции и доступной для понимания учебной литературы. Причем полностью довериться в решении подобных и в определенном смысле дерзких задач исключительно перешедшим на службу в советские учреждения представителям старой школы не представлялось возможным — многие из них оказались просто неспособными полностью изменить прежние взгляды и подлинно проникнуться новой, основанной на принципах марксизма-ленинизма и установках советской власти парадигмой государственной политики в области предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Иными словами, уголовно-процессуальной науке понадобилась «свежая кровь», стала ощущаться потребность в притоке молодых и амбициозных специалистов, готовых по-новому взглянуть на насущные проблемы доктрины, законодательства и правоприменительной практики. Именно в таких условиях и начал раскрываться талант М.С. Строговича.

В 20-х годах Михаил Соломонович стал активно публиковаться в периодических изданиях юридической направленности. Уже тогда был замечен его индивидуальный стиль, предполагающий интеграцию фундаментальности анализа предмета исследования с четкостью, ясностью, простотой изложения материала и доступностью для понимания потенциальными читателями выдвигаемых суждений и формулируемых умозаключений.

Наглядный пример такого стиля — статья «Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну)»⁶ как научная реакция на опубликованную несколькими месяцами ранее работу одного из членов Верховного Суда РСФСР⁷.

Исходя из буквального толкования ст. 349 УПК РСФСР 1923 г., автор (т. Мерэн) оценивал кассационное обжалование как способ опротестования стороной приговора народного суда лишь в части формального нарушения прав и интересов участников уголовного судопроизводства, считал недопустимой возможность пересмотра существа дела,

⁵ См.: *Росинский С.Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 61–63.

⁶ *Строгович М.С.* Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну) // Рабочий суд. 1927. № 8. С. 669–674.

⁷ См.: *Мерэн Л.* Кассационная жалоба как судебный документ в уголовно-кассационном деле // Там же. № 4.

высказывался о неприемлемости ревизионного начала кассационной инстанции, предполагавшегося в соответствии со ст. 412 прежнего УПК РСФСР 1922 г. По его мнению, обязательные для суда ревизионные процедуры надлежало толковать только в качестве процессуальной гарантии обеспечения прав неграмотных и не имеющих защитников лиц. Одновременно автор, намекая на пристрастие защитников к представлению обеспеченных слоев населения, упрекал их в попытках обжалования существа приговоров, т.е. в непонимании смысла советского законодательства.

В ответной статье М.С. Строгович не оставил без внимания ни один аргумент, ни одну реплику своего оппонента. В частности, было указано на невозможность фрагментарного толкования отдельных правовых норм без учета системности уголовно-процессуального законодательства, т.е. без понимания их взаимосвязи с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в том числе с положениями, регламентирующими основания отмены приговоров. При этом значение ревизионного порядка кассационного производства было увязано с контролем над деятельностью судов первой инстанции как максимальной гарантией публичных интересов, указано на неприемлемость определения дальнейшей судьбы жалобщика исходя из правильности составления жалобы и профессиональности его защитника. М.С. Строгович всегда старался отстаивать интересы защиты, расценивая ее в качестве важнейшей уголовно-процессуальной институции. Поэтому, отвечая своему оппоненту, он не согласился с высказанным в адрес Коллегии защитников упреком, указав, что давать подобные оценки на основании одного лишь субъективного впечатления, не имея более объективных данных, просто непозволительно⁸.

Начиная со второй половины 20-х годов в юридической литературе стали все более заметны тенденции, связанные с политизацией уголовного судопроизводства, с пониманием роли уголовной юстиции как составной части общего механизма построения социализма и защиты советской государственности от внутренних и внешних врагов. Так, многие государственные деятели и весьма авторитетные ученые видели в уголовном процессе всего лишь инструмент классовой борьбы, средство обеспечения революционной законности и пролетарской диктатуры, ратовали за безусловную подчиненность судебной системы, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия политической воле и программным

⁸ См. подр.: *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» — Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 119, 120.

документам Коммунистической партии, директивам и предписаниям советской власти. В этой связи все чаще стали высказываться предложения о более активном внедрении в правоприменительную практику внесудебных репрессий и других квазипроцессуальных механизмов расследования и «разбирательства» дел об отдельных видах и категориях противоправных деяний, об оправдании насилия принципом революционной целесообразности и т.п. Подобные тенденции явно не способствовали развитию уголовной юстиции в духе общепризнанных правовых ценностей, а напротив, приводили к выхолащиванию классических постулатов уголовной юстиции.

Публикуясь в ведущих юридических изданиях, М.С. Строгович был вынужден избегать резкой критики указанных тенденций, не вступать в дискуссию с апологетами политизации уголовно-процессуальной науки, ссылаться в своих трудах на работы классиков марксизма-ленинизма, программные документы, решения Коммунистической партии и тому подобные источники. В противном случае его работы вряд ли бы смогли увидеть свет, а сам автор вполне мог оказаться в числе репрессированных. Однако Михаил Соломонович старался избегать излишней идеологизации своих публикаций, а требуемые пропагандистские штампы — о роли партии в формировании уголовной юстиции, о приоритете отвечающего интересам народа советского уголовного процесса над загнивающим буржуазным и т.д. — использовать лишь в необходимом объеме. Рассматривая самые острые и актуальные вопросы судостройства и уголовного судопроизводства, он пытался сосредоточиться на подлинно юридических проблемах доктрины, законодательства и правоприменительной практики, обосновывать свои позиции не цитатами из работ В.И. Ленина, не резолюциями съездов ВКП(б), а выстроенными в безупречные логические цепочки сугубо правовыми доводами и аргументами, обусловленными обобщением эмпирического материала, широким научным кругозором, надлежащим правописанием и уже начинающим накапливаться профессиональным опытом.

К концу 20-х годов в юридических публикациях, в первую очередь в периодике, разгорелись научные дебаты о перспективах развития и дальнейших реформах советского уголовного права и процесса. Некоторые авторы настаивали на достаточно серьезных преобразованиях в этом сегменте правового регулирования — ратовали за большую алгоритмизацию уголовной юстиции, за существенное сокращение судебной-дискреционных полномочий, в частности за сведение практики разрешения уголовных дел к набору стандартных программ. Так, например, Н.В. Крыленко не усматривал необходимости в использовании судьями принципа

справедливости реализации уголовного закона, подразумевающего соответствие и соразмерность применяемой меры уголовно-правового воздействия (наказания) характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения (подготовки) и личности виновного. Автор был убежден в отсутствии потребности предоставления судьям права решать подобные вопросы по своему усмотрению в установленных соответствующей санкцией пределах, а вместо этого предлагал дифференцировать все преступления на три категории, предусмотрев за них четкие виды и размеры наказаний (репрессий) как форм социальной защиты. Кроме того, Н.В. Крыленко высказывался за введение т.н. института «неопределенных» приговоров, предполагающего право тюрем, лагерей, прочих пенитенциарных учреждений увеличивать либо снижать сроки и способы наказания в зависимости от личности осужденного и его поведения⁹.

М.С. Строгович выступал решительно против подобных новаций, справедливо полагая, что они ведут к полной утрате, по крайней мере к ограничению, независимости и самостоятельности суда в вопросах разрешения уголовных дел. Он отмечал, что подобные правила просто не позволят дифференцированно оценивать устанавливаемые в ходе судебных заседаний обстоятельства содеянного и назначать требуемые наказания, а будут предрасполагать к уравниванию разных по степени опасности для общества лиц только лишь на основании формального включения совершенных ими преступлений в одну и ту же группу. Одновременно автор резко выступал против «неопределенных» приговоров, поскольку усматривал в них проявление обвинительного уклона.

Аргументируя свою позицию, М.С. Строгович обращал внимание на индивидуальность каждого акта криминального поведения, на существование множества совершенно разных, но вместе с тем подпадающих под идентичную квалификацию преступных деяний, в связи с чем указывал на недопустимость применения к виновным мер уголовной репрессии в автоматическом режиме. Поэтому основную роль в применении уголовного закона он возлагал именно на судебское усмотрение — полагал, что лишь суду принадлежит исключительное право на осуществление уголовной репрессии, на определение вида и точного размера уголовного наказания, в том числе на возможность смягчения квалификации деяния и применения условного осуждения¹⁰.

⁹ См., напр.: Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежедельник сов. юстиции. 1928. № 22. С. 641–643.

¹⁰ См.: Строгович М.С. На путях к новому уголовному праву // Рабочий суд. 1929. № 9 (169). С. 654–667.

М.С. Строгович опасался, что в противном случае живых судей придется заменить автоматами, поскольку ни один человек к механической генерации правоприменительных решений просто не способен. И в этой связи нетрудно заметить, что выраженные почти 100 лет назад взгляды не только не утратили своего значения, а напротив, стали еще более актуальными и подлежащими обязательному доведению до сведения законодателя. В настоящее время, когда все громче звучат призывы к цифровизации уголовного судопроизводства, все активнее обсуждаются модные, но, по всей вероятности, не до конца осознаваемые самими авторами идеи о замене судей теми самыми автоматами — обладателями т.н. искусственного интеллекта, а по факту современного программного обеспечения, предполагающего очень большое, однако лимитированное (!) множество заранее продуманных «ходов» — позиции М.С. Строговича о недопустимости замены способного к рациональному мышлению, формированию выводов и умозаключений правоприменителя на бездушную, ограниченную набором стандартных решений машину представляются более чем уместными.

В это же время в юридической литературе стал активно обсуждаться вопрос об очередной кардинальной реформе уголовного судопроизводства. В частности, было подготовлено несколько проектов обновленного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и аналогичных законодательных актов других союзных республик. Причем основная цель предполагаемой реформы виделась ее инициаторам в максимальном упрощении уголовного судопроизводства. Например, предполагалось введение ряда внесудебных механизмов рассмотрения и разрешения уголовных дел об определенных преступлениях, упразднение института предварительного следствия посредством его слияния с дознанием, разделение всех норм уголовно-процессуального права на обязательные и технические и т.д.

Будучи непосредственным участником этих обсуждений, признавая их большое значение для развития доктрины и правотворческой политики государства, М.С. Строгович всегда выступал за стабильность законодательства и являлся противником необоснованного упрощения процессуальной формы¹¹. В его работах неоднократно отмечалась перегруженность юридических публикаций предложениями о внесении поправок в закон, необходимость сосредоточения внимания авторов на более фундаментальных вопросах уголовно-процессуальной науки. Без надлежащего уяснения этих вопросов, писал ученый, без

подлинного осознания фундаментальных положений советского уголовного процесса все предложения по реформированию и оптимизации законодательства изначально обречены на провал, поскольку теоретически неосмысленные изменения не способны разрешить существующих проблем, а наоборот, приведут к еще большим трудностям в правоприменительной практике¹².

К слову, подобные предостережения имеют существенное значение именно для современной уголовно-процессуальной науки и правотворческой политики государства. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс постоянно подвергается изменениям и дополнениям, зачастую иницируемым «специалистами», достаточно посредственно понимающими смысл соответствующих юрисдикционных механизмов и игнорирующими базовые принципы классической кодификации законодательства: стабильность, системность и т.д. Еще большее количество правотворческих предложений содержится в многочисленных научных публикациях, авторы которых, зачастую забывая о подлинном предназначении юридической науки, по всей вероятности, не желая осознать либо просто будучи не способными уразуметь глубинные проблемы и закономерности уголовного судопроизводства, а видя только самую верхушку айсберга, буквально наперегонки стремятся к формулированию все новых и новых точечных поправок в уголовно-процессуальное законодательство¹³.

Одновременно М.С. Строгович призывал к весьма бережному отношению к процессуальной форме, считая ее не пустой формальностью, а необходимым условием надлежащего расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Тогда как пренебрежение процессуальной формой называл упрощенчеством, оценивая его как приносящее большой вред законности и интересам правосудия¹⁴. Освещенные в трудах М.С. Строговича дискуссии об упрощении и деформализации уголовного судопроизводства и его отдельных процедур не прекращаются по сей день, ученые продолжают спорить о смысле, роли и значении процессуальной формы для правоприменительной практики, необходимости или неприемлемости ее дифференциации, возможности или невозможности снизить либо полностью исключить формализацию отдельных процессуальных механизмов. Правда, в настоящее время подобные

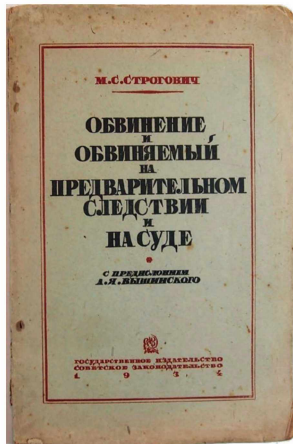
¹² См.: там же. С. 9.

¹³ Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–132.

¹⁴ См.: *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховсуда СССР. 1927. № 3. С. 15.

¹¹ См.: *Строгович М.С.* К пересмотру УПК (о принципиальной и методологической стороне вопроса) // Рабочий суд. 1928. № 1 (137). С. 8–11.

дискуссии обуславливаются несколько иными по сравнению с обстоятельствами 100-летней давности причинами: целесообразностью процессуальной экономии, сокращением дознавательской, следственной, прокурорской и судебной бюрократии, излишней заформализованностью уголовно-процессуальной деятельности и т.д. Но участники таких дискуссий все равно уделяют должное внимание работам М.С. Строговича, а многие продолжают придерживаться намеченного в них вектора.



На рубеже 20–30-х годов Михаила Соломоновича все сильнее стали привлекать проблемы осуществления функции обвинения и обеспечения прав обвиняемых. В 1934 г. на строгий суд юридической общественности была представлена работа «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», в определенном смысле ставшая предтечей его дальнейших исследований, посвящен-

ных сущности и природе советского уголовного процесса, принципу состязательности и теории процессуальных функций. В монографии исследовались вопросы функции обвинения как основного направления процессуальной деятельности органов прокуратуры и предварительного следствия, реализуемой в целях преследования опасных (предполагающихся опасными) для государства лиц, а также их изобличения в совершении определенных преступлений.

Автором был поставлен один весьма важный, по сути, предопределивший сферу его последующих научных интересов вопрос о характере, структуре (элементах) и содержании правоотношений, возникающих между носителями обвинительной функции, с одной стороны, и лицами, подлежащими привлечению к уголовной ответственности, — с другой. Пытаясь подступить к ответу на данный вопрос, М.С. Строгович писал, что такие правоотношения должны иметь обоюдный характер — сводиться к воздействию субъектов обвинительной деятельности на положение обвиняемых путем осуществления реализуемых в установленных законом формах государственно-властных полномочий и, наоборот, к воздействию обвиняемых на субъектов обвинительной деятельности путем использования своих прав, предоставленных для защиты от обвинения. Иными словами, автор пытался обосновать сущность подобных правоотношений как продукта, возникающего

в результате своеобразной процессуальной реакции между публичными полномочиями стороны обвинения (соответствующих государственных органов и должностных лиц) и диспозитивными возможностями стороны защиты (подозреваемых, обвиняемых, защитников)¹⁵. Кстати, именно в данной монографии Михаил Соломонович озабочен был вопросом о разграничении подозреваемого и обвиняемого как разных участников уголовного судопроизводства, свойственных для различных этапов осуществления в отношении них уголовного преследования¹⁶.

В этой связи был сделан достаточно важный вывод о необходимости определения статуса обвиняемого, характера и природы его процессуальных возможностей через призму теории правоотношений. Кроме того, в адрес государственных органов и должностных лиц, осуществляющих функцию обвинения, были высказаны пожелания о недопустимости ограничения или ущемления прав обвиняемого, о чутком и вдумчивом отношении к его положению, о проявлении к нему внимательности, как к любому другому живому человеку. никоим образом не отрицая классовый характер деятельности органов предварительного следствия и прокуратуры, не опровергая их направленность на обеспечение диктатуры пролетариата и борьбу с чуждыми для советского общества субъектами, М.С. Строгович вместе с тем писал об ошибочности понимания этих органов лишь в контексте решения репрессивных задач. Он обращал внимание на воспитательную роль носителей функции обвинения, которую видел не столько в принуждении, сколько в объективном установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обязательном соблюдении прав обвиняемых¹⁷.

Автора особо беспокоил вопрос об осуществлении функции обвинения в ходе предварительного следствия. Прекрасно осознавая так и не выхоленный в ходе революционных потрясений исконный судебно-следственный характер досудебного производства, он утверждал, что ввиду отсутствия полноценных сторон возложенные на следователя обвинительные полномочия в определенном смысле интегрируются с полномочиями, направленными на полное, всестороннее и объективное установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, т.е. фактически говорил о некоем слиянии функции обвинения с функцией предварительного расследования. М.С. Строгович совершенно справедливо рассматривал уголовное

¹⁵ См.: *Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде* / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1934. С. 7.

¹⁶ См.: там же. С. 32–34.

¹⁷ См.: там же. С. 25, 26.

преследование, в частности собирание обвинительных доказательств, лишь как одно из направлений работы следователя, тогда как к другому направлению относил принятие мер, направленных на защиту обвиняемого, в первую очередь на его ограждение от незаконного и необоснованного обвинения¹⁸. Иными словами, автор пытался сформулировать важнейший постулат советского досудебного производства — возложение на органы предварительного следствия как бы двуединой функции, предполагающей обязанность собирания как обвинительных, так и оправдательных (контробвинительных) доказательств, исследования как негативных, так и позитивных для обвиняемого фактов, принятия во внимание как отягчающих, так и смягчающих ответственность обстоятельств, и т.п.

Несмотря на подробное освещение поднятых М.С. Строговичем проблем в многочисленных научных трудах целого ряда советских и постсоветских ученых, невзирая на более или менее удачные попытки их разрешения в ходе последующих реформ уголовно-процессуального законодательства, многие из них так и не потеряли своей актуальности, по-прежнему побуждают к жарким дискуссиям, оказывают негативное влияние на качество правового регулирования соответствующих правоотношений, приводят к серьезным ошибкам и затруднениям в правоприменительной практике. Так, в настоящее время ученые в очередной раз вернулись к обсуждению вопроса о разграничении процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого. Высказываются самые разные точки зрения: от возвращения к дореволюционным и ранним советским механизмам предварительного расследования, вообще не предполагавшим наделения подозреваемого уголовно-процессуальной правосубъектностью, до полной ликвидации предварительного следствия с присущим ему статусом обвиняемого и установления единой формы прокурорско-полицейского дознания, превращающей подозреваемого в основного субъекта досудебного производства со стороны защиты.

До сих пор так и не разрешен поднимавшийся М.С. Строговичем вопрос о двуединстве функций органов предварительного расследования. В современной доктрине и правоприменительной практике эта проблема невольно актуализировалась вследствие введения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ чуждого для национальных правовых традиций принципа состязательности в англосаксонском понимании данного феномена, предполагающего абсолютный запрет на какое бы то ни было слияние процессуальных функций, превратившего следователя

(дознателя) из субъекта-расследователя в субъекта-преследователя (обвинителя), стремящегося в силу закона лишь к изобличению человека в совершении преступления. Указанный изъян оказался настолько существенным, что даже попал в поле зрения Конституционного Суда РФ, попытавшегося в меру своих возможностей смягчить допущенный перегиб, нивелировать очевидные противоречия.

В этой связи стоит вспомнить, что именно с принципом состязательности были связаны многие фундаментальные труды ученого, именно он долгие годы определял основной вектор исследований автора.

М.С. Строгович уделял состязательности самое пристальное внимание, считая его одним из базовых условий уголовного судопроизводства. Тем более что в 20–30-е годы наиболее радикально настроенные советские исследователи вообще не признавали этого принципа, считая его унаследованной от буржуазного процесса догмой, а порядок рассмотрения и разрешения уголовного дела в условиях равноправия сторон и наделения обвиняемого комплексом необходимых для защиты юридических возможностей — противоречащим упрощению процессуальной формы и мешающим борьбе с врагами народа и революции.

Уже начиная с 1927 г. в публикациях М.С. Строговича стали заметны призывы к безусловному сохранению состязательности как важнейшего постулата уголовной юстиции, гарантирующего советским гражданам надлежащий уровень защиты от вполне возможных следственных и судебных ошибок, от некачественности расследования и судебного разбирательства дел. Соглашаясь с буржуазными корнями этого принципа, автор вместе с тем подчеркивал отсутствие какой-либо взаимосвязи феномена состязательности как такового с сущностью капиталистической формации, одновременно поясняя, что отказ от predeterminedных им правовых гарантий может отбросить уголовный процесс далеко назад — к гораздо более примитивным формам, например к средневековой инквизиции или дореформенной (до 1864 г.) российской модели уголовного правосудия с присущими им письменностью судопроизводства и индифферентным (опереточным) участием некоего докладчика, «объективно» и «беспристрастно» доводящего до сведения суда все обвинительные и контробвинительные доводы¹⁹.

Однако было бы ошибочным считать М.С. Строговича апологетом англосаксонских правовых ценностей, в настоящее время активно

¹⁸ См.: *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. С. 28, 29, 34.

¹⁹ См.: *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса. С. 14–17.

пропагандируемых представителями т.н. либерально-юридической общественности. Михаил Соломонович никогда не воспринимал состязательность уголовного процесса как некое юридическое соревнование в красноречии или профессиональной прозорливости, как приоритет процедуры судебных дебатов над их предметом, как проистекающий под наблюдением пассивного судьи-рефери спор сторон ради победы. Девизом, проходившим красной нитью через его публикации, служил принципиально иной тезис: «в спорах рождается истина!» Именно установление истины как фундамента для любого судебного приговора автор и считал генеральной целью процессуального доказывания, предопределяющей и смысл, и содержание уголовного судопроизводства. Более того, сущность принципа состязательности в англосаксонском истолковании подвергалась резкой критике. В подобном подходе он усматривал лишь отголоски основанной на свободе конкуренции (состязательности производителей и поставщиков товаров и услуг) капиталистической парадигмы существования и развития буржуазного общества.

Смысл принципа состязательности М.С. Строгович видел совершенно в другом: в предоставлении обвиняемому широкого спектра процессуальных возможностей и создании эффективных юридических гарантий для их реального обеспечения, расширении сферы деятельности защитника, равноправии сторон, презумпции невиновности, разделении функции прокуратуры и суда. В частности, он призывал к признанию неприемлемым участия в судебном процессе прокурора в отсутствие защитника, к недопустимости сокращения списков предполагаемых к вызову свидетелей либо отказов от допросов уже вызванных свидетелей, заявлял о невозможности исключения из судебного разбирательства прений сторон и т.д. Кроме того, он активно поддерживал идеи о расширении круга уголовных дел частного обвинения со свойственными им возможностями использования примирительных процедур, ратовал за распространение такого порядка на все имущественные преступления с незначительным ущербом. Выступал за формирование полноценного института потерпевшего как автономного субъекта уголовного судопроизводства, отстаивающего собственные, далеко не всегда совпадающие с публичными интересы, наделенного диспозитивными возможностями для самостоятельного участия в уголовном преследовании и обжалования судебных решений.

Вообще состязательности и обеспечению прав обвиняемых М.С. Строгович всегда уделял особое внимание, считал исследование связанных с ними проблем важнейшим, приоритетным, в определенной степени титульным направлением уголовно-процессуальной науки. Поэтому неудивительно,

что именно этим вопросам во многом была посвящена его докторская диссертация «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности»; нет ничего странного и в том, что впоследствии он неоднократно возвращался к рассмотрению данной проблематики.

Михаил Соломонович был убежденным сторонником принципа состязательности, считал его концептуальным правовым постулатом, обуславливающим саму природу уголовного процесса, фундаментом, определяющим всю систему уголовно-процессуальных отношений в целом и форму проведения любых процессуальных действий и принятия любых процессуальных решений в частности, а разницу в подходах к смыслу и содержанию данного принципа в различных правовых доктринах – основным критерием для дифференциации существующих типов и моделей уголовного судопроизводства, в том числе для отграничения национальной модели от зарубежных аналогов. Уже самим названием своей докторской диссертации автор провозгласил понимание состязательности как базиса всей теории советского уголовного процесса, как общественно-правового феномена, детерминирующего его задачи, функции, систему, социальные ориентиры и т.д.

Идеи М.С. Строговича о состязательности оказались особо востребованными и получили новый импульс для развития уже в постсоветский период ввиду перехода России к новым политическим и социально-экономическим реалиям с присущим им приоритетом прав и свобод личности, признанием на конституционном уровне целого ряда демократических принципов, в том числе принципа реализации судебной власти. Ввиду объективной необходимости определения пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего самым передовым стандартам правосудия в цивилизованном государстве, а с другой – учитывающего накопленный в этой сфере опыт и богатые национальные традиции уголовной юстиции, высказанные несколько десятков лет назад тезисы о состязательности не как о юридическом турнире сторон, а именно как о разумном балансе полномочий государства и прав личности, как о возможности максимального использования защитой своих правомочий представляются более чем актуальными и своевременными, а публикации М.С. Строговича – намного опередившими свою эпоху. Сегодня, когда распространенные в 90-е годы позиции поборников англосаксонских правовых ценностей постепенно сходят на нет, а долгое время ассоциируемый именно с «либеральным» влиянием феномен состязательности расценивается многими конъюнктурно настроенными авторами чуть ли не как правовая ересь, когда законодатель начинает осторожно признавать

допущенные ранее перегибы в нормативном регулировании целого ряда процессуальных механизмов, взгляды ученого вполне могут стать той базой, тем научным фундаментом, на котором в обозримом будущем удастся сконструировать обновленную, максимально приемлемую для российского общества концепцию уголовного судопроизводства и перенаправить вектор развития уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики в несколько иное русло.

Тем более что и сам М.С. Строгович шел таким же путем: методологически оттолкнувшись от принципа состязательности, ему удалось свести основные положения уголовно-процессуального права в единую, целостную, стройную и предрасположенную к развитию систему, а после подкрепления результатами других, в том числе сравнительно-правовых, научных исследований сформировать классическую теорию советского уголовного процесса со всеми необходимыми атрибутами. Именно его перу принадлежит признаваемое многими учеными в качестве классического одно из самых известных определений уголовного процесса как установленной законом системы действий уполномоченных государственных органов (должностных лиц), истекающих в рамках правоотношений между указанными органами (должностными лицами), с одной стороны, и наделенными соответствующими полномочиями гражданами – с другой²⁰. Данной дефиницией автор подчеркивал своеобразное единство, сбалансированность предназначения всей уголовно-процессуальной деятельности в целом и отдельных процессуальных отношений в частности, обращал внимание на правосубъектность всех участников судопроизводства независимо от выполняемой ими роли, на недопустимость восприятия граждан как безропотных «объектов» реализации государственно-властных полномочий, в том числе понимания обвиняемых (подозреваемых) как бесправных «объектов» уголовного преследования. И поэтому в дальнейших публикациях он продолжил писать о необходимости укрепления и совершенствования процессуальных гарантий обеспечения прав личности, в которых усматривал одного из «китов» социалистической законности.

Кстати, предложенный им подход к пониманию советского уголовного процесса разделялся далеко не всеми авторами. Например, известные советские ученые М.А. Чельцов и Д.С. Карев, конечно, признавая вполне очевидные факты правового взаимодействия властных и невластных субъектов предварительного расследования и судебного разбирательства, тем не менее, по всей вероятности, не считали соответствующие правоотношения

определяющими смысл этой деятельности – не включали их в собственные дефиниции уголовного судопроизводства²¹. Вступая в полемику с оппонентами, М.С. Строгович мотивировал свою точку зрения стремлением трактовать уголовный процесс как правовую категорию и общественное явление. Он писал о невозможности подлинного понимания сущности советского уголовного процесса без осознания участия в этой деятельности обвиняемого, защитника, потерпевшего, других имеющих собственные интересы лиц, говорил, что именно данный признак ставит свойственные социалистическому государству досудебные и судебные процедуры в выигрышное положение по сравнению с более примитивными формами уголовного правосудия. Одновременно автор предлагал считать возникающие между участниками правоотношения формой уголовного судопроизводства, а саму деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда – его содержанием²².

В подобном контексте им были сформулированы и другие важнейшие постулаты уголовного судопроизводства, подлежащие использованию при определении вектора дальнейшего развития уголовно-процессуальной политики государства и соответствующих правотворческих инициатив. К таковым ученый относил: а) должную формализацию уголовно-процессуальной деятельности, выражаемую в надлежащей регламентации любых процессуальных процедур, обеспечивающую правовую определенность и продуктивность реализации полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и одновременно приводящую к невозможности рецидивов упрощенчества; б) укрепление юридических гарантий обеспечения реализации функции защиты, в том числе расширение диспозитивных правомочий обвиняемого (подозреваемого) и усиление роли защитника; в) нормативное закрепление единства, всеобщности и обязательности уголовно-процессуальной формы для обеспечения унифицированного порядка работы всех судебных и правоохранительных органов по всем уголовным делам на всей территории социалистического государства; г) жесткое разграничение процессуальных функций, предполагающее гетерогенность обвинения (уголовного преследования), защиты и правосудия (разрешения уголовного дела), с возложением первой на прокуратуру и органы предварительного

²¹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1948. С. 10, 11; Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 5.

²² См., напр.: Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 68, 69; Его же. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 34.

²⁰ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 36.

расследования, второй — на обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, а третьей — на суд²³.

Как уже отмечалось, М.С. Строгович обращал особое внимание на несводимость функции обвинения исключительно к участию государственного обвинителя в судебном заседании. Он писал, что фрагменты обвинительной деятельности усматриваются и в работе следственных органов, как бы совмещающих функции обвинения и расследования уголовного дела, в связи с чем ратовал за самое пристальное отношение к досудебному обеспечению прав личности. Кстати, в этой связи автор неоднократно высказывал официально легализованную лишь многими годами позднее идею о возможности обжалования заинтересованными лицами следственных постановлений о прекращении уголовного дела в судебном порядке. Еще в конце 20-х годов он указывал, что подобные следственные акты фактически предполагают судебный характер и по своей юридической роли весьма схожи с приговорами, что с ними могут быть не согласны ни потерпевшие, ни гражданские истцы, ни различные общественные организации, ни даже обвиняемые, поэтому предлагал предусмотреть механизмы проверки законности и обоснованности соответствующих правоприменительных позиций в судебном заседании²⁴.

В 1951 г. М.С. Строгович опубликовал фундаментальную монографию «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», в которой подвел определенные итоги своих научных изысканий по данной проблематике. В частности, раскрыл сущность, содержание и допустимые пределы уголовного преследования как основной формы деятельности стороны обвинения, убедительно доказал его взаимосвязь с целью и предназначением советского уголовного процесса, обосновал ключевую роль принципа социалистической законности при изобличении человека в совершении инкриминируемого преступления, рассмотрел способы уголовного преследования, присущие предварительному расследованию, производству в суде первой инстанции и кассационному производству.

М.С. Строгович считал уголовное преследование сложной системой процессуальных приемов органов предварительного расследования и прокуратуры, направленных на обеспечение возможности реализации функции обвинения. К таким приемам он относил: 1) действия, связанные с собиранием доказательств, способствующих изобличению обвиняемого либо установлению отягчающих его

ответственность обстоятельств; 2) принудительные действия, обслуживающие решение задач изобличения обвиняемого: предъявление обвинения, меры пресечения, вызовы на допрос и т.д.; 3) действия прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном заседании, т.е. убеждению суда в виновности данного лица и необходимости назначения ему уголовного наказания²⁵. При этом начало уголовного преследования связывалось исключительно со следственным актом о привлечении в качестве обвиняемого. М.С. Строгович допускал возможность осуществления таких приемов только в отношении конкретного лица (*in personam*), одновременно указывая на неприемлемость смешения момента начала уголовного преследования с возбуждением уголовного дела в отношении неустановленного человека, т.е. по факту выявленного преступления (*in rem*)²⁶.

Продолжая настаивать на трехфункциональном характере уголовного судопроизводства, автор писал о возможности уголовного преследования (реализации функции обвинения) только в самой тесной взаимосвязи с двумя другими функциями — защитой и разрешением уголовного дела. Он отмечал, что в отсутствие защиты уголовный процесс превратится в сугубо обвинительную деятельность, тогда как без уголовного преследования (обвинения) функция защиты вообще утратит всякий смысл, поскольку станет неясно, кого и от чего требуется защищать. Автор в очередной раз обращал внимание на автономность судебной функции (функции разрешения уголовного дела), на ее отделение от функции как обвинения, так и защиты, на предназначенность для выполнения руководящей и решающей процессуальной роли.

Эти идеи были особенно заметны на фоне очередного усиления и активного продвижения иных научных позиций, не предполагающих необходимости гетерогенного разграничения процессуальных функций. Ведь во многих послевоенных публикациях отстаивалась точка зрения о неприемлемости трехфункциональной концепции для советского уголовного процесса, о ее несоответствии требованиям всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела²⁷. Именно она, вопреки призывам М.С. Строговича, получила законодательную поддержку, фактически найдя отражение в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. и соответствующих республиканских уголовно-процессуальных кодексах,

²⁵ См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 56.

²⁶ См.: там же. С. 65.

²⁷ См., напр.: Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 64, 127.

²³ См., напр.: *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. С. 118, 119.

²⁴ См.: *Строгович М.С.* Новый проект Уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. 1928. № 18 (154). С. 1381, 1382.

в том числе в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Идеи о состязательном характере уголовного судопроизводства были легализованы гораздо позже, лишь в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, причем с большим креном в сторону англосаксонских правовых ценностей, что предопределило формальный отказ разработчиков Кодекса (но не процессуальной доктрины и правоприменительной практики!) от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Поэтому, как уже отмечалось, споры и дискуссии по этому поводу не прекращаются, хотя позиции М.С. Строговича, будь они должным образом восприняты и осмыслены законодателем, вполне могли бы поспособствовать формированию разумного компромисса.

К субъектам уголовного преследования в досудебном производстве М.С. Строгович относил следователя и прокурора, а в судебном заседании — только прокурора (государственного обвинителя)²⁸. Одновременно в очередной раз обращалось внимание на двуединую функцию органов предварительного следствия — еще раз подчеркивалось, что на следователя возложена не только функция обвинения, но и в определенной степени функция защиты.

Монография «Уголовное преследование в советском уголовном процессе» стала очередным, хотя далеко не последним этапом развития взглядов М.С. Строговича на роль потерпевшего как функционального участника правоотношений, возникающих в сфере уголовной юстиции. В данной работе автор указывал на отсутствие необходимости включения потерпевшего в круг субъектов уголовного преследования и возложения на него процессуальной функции обвинения, за исключением уголовных дел частного обвинения. Он увязывал основное предназначение потерпевшего с осуществлением несвойственной публичным правоотношениям функции предъявления обвиняемому и поддержания гражданского иска о возмещении причиненного преступлением материального ущерба, которую считал по своей природе гражданско-процессуальной, подлежащей реализации как совместно с уголовным делом, так и в отдельном от него порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем М.С. Строгович продолжал настаивать на понимании потерпевшего как полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, обладающего рядом правовых возможностей, например способного ходатайствовать о допросе свидетелей и собирании иных доказательств, обжаловать прокурору решение о прекращении уголовного дела, предъявлять и поддерживать гражданский иск и т.д.²⁹

²⁸ См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. С. 97, 138.

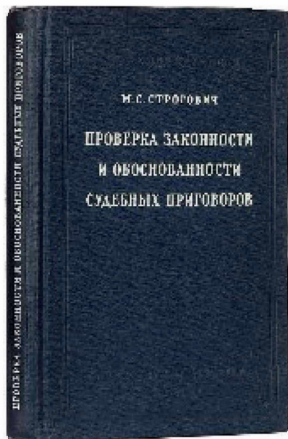
²⁹ См.: там же. С. 17, 18.

Представляется, что именно эти научные усилия сыграли немаловажную роль в появлении ст. 53 и 54 УПК РСФСР 1960 г. (соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик), устанавливающих статусы потерпевшего и гражданского истца как автономных участников уголовного судопроизводства, — тех самых положений, которые дали импульс для дальнейшего развития процессуального учения о потерпевшем и гражданском истце, что в конце концов привело к их пониманию как факультативных субъектов уголовного преследования, как лиц, способных наряду с дознавателем, следователем, прокурором принимать участие в изобличении обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Поэтому позднее М.С. Строгович несколько пересмотрел свои прежние взгляды о роли и функциональном предназначении потерпевшего, опираясь на положения Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. и новых на тот момент республиканских кодексов, стал писать о нем как об «обвинителе», как о субъекте обвинительной деятельности по всем уголовным делам независимо от частного или публичного характера уголовного преследования, располагающим возможностью использования соответствующих диспозитивных правомочий по своему усмотрению³⁰.

Результаты указанных научных изысканий не утратили своей важности и в современных условиях. Несмотря на, казалось бы, достаточно четкое нормативное регулирование статусов потерпевшего и гражданского истца в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, эти субъекты остаются одними из самых противоречивых и неоднозначных участников российского уголовного процесса, а соответствующие положения правовой доктрины и законодательства продолжают побуждать к спорам и дискуссиям. Например, по-прежнему до конца непонятно подлинное предназначение потерпевшего в уголовном судопроизводстве: как исключительно физического (юридического) лица, пострадавшего от преступления и поэтому выступающего в качестве объекта публичного «сострадания», процессуальной «жалости», требующего восстановления в отношении него социальной справедливости, или как полноценного участника уголовно-процессуальных отношений, возникающих ввиду потребности реализации права на доступ к правосудию; до сих пор сохраняется неясность в вопросах разграничения потерпевшего и гражданского истца, приводящая к «страховочной» практике одновременного

³⁰ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 255, 256.

наделения понесшего ущерб лица обоими процессуальными статусами, и т.д.³¹



Рассматривая послевоенный период научной деятельности М.С. Строговича, нельзя обойти вниманием опубликованную в 1956 г. монографию «Проверка законности и обоснованности судебных приговоров». Эта книга стала итогом серии исследований, посвященных заботившим автора условиям обеспечения эффективности уголовно-репрессивной политики государства, в частности

вынесения законных, обоснованных и справедливых актов правосудия. Ученого всегда беспокоили допускаемые при постановлении приговоров ослабляющие режим социалистической законности и поэтому препятствующие успешному решению задач уголовной юстиции судебные ошибки, в том числе приводящие к осуждению невиновных или, наоборот, к освобождению от заслуженной ответственности преступников. Причем большую роль в инкрементальном преодолении этих проблем, повышении объективности выводов суда, обеспечении их максимального соответствия требованиям материальной истины М.С. Строгович всегда отводил различным формам проверки приговоров как необходимого атрибута советского правосудия: кассации, надзору, возобновлению производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Генеральный тезис указанной монографии, проходящий красной нитью через все ее содержание, состоял в отрицании юридического признания правильности не вступившего в законную силу приговора и одновременном призыве к возложению на вышестоящие суды обязанности по осуществлению тщательной и скрупулезной проверки законности, обоснованности и справедливости такого приговора при поступлении соответствующей жалобы или протеста. При этом автор решительно возражал против любых попыток ограничения прав осужденных на обжалование приговоров, ратовал за безусловный запрет на «поворот к худшему», т.е. на возможность вышестоящего суда усилить квалификацию инкриминируемого лицу преступления, назначить более строгое наказание и т.д.

Одним из самых серьезных направлений научных изысканий М.С. Строговича стала проблематика уголовно-процессуального доказывания в целом и теории судебных доказательств в частности. Рассматривая данные вопросы, он постоянно стремился проводить свои исследования и формулировать выводы на стыке позиций Л.Е. Владимирова, М.В. Духовского, В.К. Случевского, И.Я. Фойницкого, других известных представителей дореволюционной школы и возникших после Октябрьской революции основанных на постулатах марксистско-ленинской философии советских представителях об уголовно-процессуальном познании и доказывании. Наиболее обстоятельно эти проблемы были рассмотрены в опубликованной в 1947 г. книге «Учение о материальной истине в уголовном процессе» и в увидевшей свет несколькими годами позднее, в 1955 г., фундаментальной монографии «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе».

Даже непосвященному читателю уже по названиям указанных работ должно быть понятно, что самым важным, ключевым вопросом всей теории уголовно-процессуального доказывания М.С. Строгович считал проблему установления судом объективной (материальной) истины как гносеологического фундамента законного, обоснованного и справедливого приговора. Будучи безусловным сторонником диалектического материализма и методологически отталкиваясь от одного из самых известных постулатов этого философского учения — о практической познаваемости окружающей реальности, автор неоднократно подчеркивал потребность в детальном установлении по каждому уголовному делу объективной (материальной) истины, состоящей в полном и точном соответствии действительности выводов судьи, прокурора, следователя о входящих в предмет доказывания и требующих юридической оценки обстоятельствах, в том числе о фактах виновности либо невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц³². Он считал обнаружение истины одним из важнейших принципов уголовного судопроизводства, неукоснительное соблюдение которого расценивал как первостепенное условие успешности борьбы с преступностью, меткости уголовной репрессии, доброкачественности судебных приговоров и их убедительности для населения, а также эффективности осуществления профилактической и воспитательной функций социалистического правосудия³³. Одновременно М.С. Строгович утверждал, что советский уголовный процесс в силу своей простоты,

³¹ См. подр.: *Росинский С.Б.* Потерпевший: проблемы уголовно-процессуального статуса // *Юристь-Правоведь.* 2020. № 3 (94). С. 69–75.

³² См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19.

³³ См.: там же. С. 20, 21.

реалистичности и рациональности предоставляет органам предварительного расследования и суду все необходимые возможности для установления истины, полного, всестороннего и объективного познания значимых обстоятельств, а при возникновении познавательного «сбоя» и допущении правоприменительной ошибки — для ее скорейшего исправления³⁴.

В 1990–2000-е годы ввиду возникших под влиянием англосаксонской доктрины тенденций к отказу от объективной (материальной) истины как цели доказывания и предопределенного ими исключения положения о полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела из уголовно-процессуального законодательства в некоторых источниках, в первую очередь в «свободных» интернет-ресурсах, можно было встретить достаточно негативные оценки соответствующих позиций М.С. Строговича и солидарных с ним ученых: от жестких обвинений в безвольном потакании «тоталитарному» режиму и партийному «начальству» до более мягких упреков в ошибочности взглядов, неверном понимании сущности доказывания в состязательном процессе. Кроме того, учение об объективной (материальной) истине неоднократно подвергалось критике за безальтернативность, отмечалось, что ввиду действующей в СССР цензуры, недопустимости инакомыслия сторонники альтернативных научных взглядов в самом лучшем случае просто не могли рассчитывать на опубликование своих трудов.

Конечно, подобные оценки абсолютно несправедливы, они не соответствуют действительности и предопределены не столько несогласием с позициями М.С. Строговича и его единомышленников, сколько стремлением к отрицанию советской уголовно-процессуальной доктрины как таковой. На самом деле идеи об объективной (материальной) истине как цели уголовно-процессуального доказывания были далеко не единственными. В научных публикациях 30–50-х годов можно встретить и совершенно иные высказывания. В частности, еще в 1937 г. (!) С.А. Голунский отождествил цель доказывания не с достижением материальной истины, а всего лишь с разрешением поставленным перед правосудием вопросом без расчета на перспективу последующего расширения границ судебного познания³⁵. Несколько позднее, в 1948 г., В.С. Тадевосян, вступив в полемику с М.С. Строговичем, посчитал возможность достижения объективной (материальной) истины сугубо гипотетической, допустил реализацию подобной цели лишь

в теории. При этом автор обратил внимание на то, что, имея достаточно скромный когнитивный потенциал субъектов процессуального доказывания, достижение абсолютного, исключаяющего «белые пятна» познавательного результата в реальных условиях осуществления правосудия практически невозможно³⁶.

Да и вообще взгляды М.С. Строговича на объективную (материальную) истину в уголовном процессе были далеко не так прямолинейны, наивны и ригористичны, как это может показаться на первый взгляд. Он прекрасно осознавал (просто не мог не осознавать!) весьма посредственные ретроспективно-познавательные возможности человека, тем более возможности следователя, прокурора, суда по установлению события преступления и прочих имеющих значение для дела обстоятельств, существенно ограниченные требованиями процессуальной формы и профессиональной этики. В его работах справедливо указывалось, что содержащиеся фрагменты истинного знания выводы органов предварительного расследования и суда могут быть сгенерированы лишь на основе данных, которые получены и исследованы в установленном уголовно-процессуальном законом порядке, т.е. предполагают уголовно-процессуальную форму. Вместе с тем отмечалось, что самого по себе соблюдения процессуального порядка недостаточно для признания полученных выводов истинными, что таковыми их надлежит признавать не формально, а по существу, т.е. материально, в связи с чем и предлагалось именовать подобную истину материальной. Кстати, именно поэтому М.С. Строгович всегда уделял особое внимание презумпции невиновности, подразумевающей толкование в пользу обвиняемого (подозреваемого) сомнений, обусловленных невозможностью установления каких-либо фрагментов предмета доказывания. В противном случае существование данного принципа просто теряло бы всякий смысл.

Иными словами, говоря о материальном характере истины в советском уголовном процессе, М.С. Строгович как бы противопоставлял ее истине формальной, которую отождествлял со свойственной для инквизиционного процесса теорией формальных доказательств. Называя такую истину квазиистиной, псевдоистиной, кажущейся истинной, суррогатом истины, он понимал под ней соответствие выводов судебно-следственных органов неким формальным условиям: наличию определенного количества свидетельских показаний,

³⁴ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 21.

³⁵ См.: *Проблемы уголовной политики.* Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. С. 60, 61.

³⁶ См.: *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // *Сов. государство и право.* 1948. № 6. С. 65–72.

удостоверения какого-либо факта определенным документом и т.д.³⁷

Высказанные 70 лет назад эти позиции по-прежнему представляют изрядный научный интерес и побуждают к острой полемике. В современных условиях развития уголовно-процессуальной доктрины и законодательства, характеризующихся расширением сферы использования формальных средств доказывания (в частности, преюдициальных фактов), распространением не предполагающих классических механизмов доказывания упрощенных порядков предварительного расследования и судебного разбирательства, появлением целого ряда публикаций и правотворческих инициатив, как пропагандирующих полное обесценивание материальной истины, так и, напротив, ратующих за еще большую формализацию ее установления (в том числе за введение нормативного предписания об установлении истины), взгляды М.С. Строговича продолжают оставаться в самой гуще научных дискуссий и скрупулезно анализируются практически каждым ученым, рискнувшим направить свои усилия на исследование методологических проблем уголовно-процессуально доказывания.

Достаточно много внимания М.С. Строгович уделял сущности доказательств, как подлежащих собиранию, исследованию, проверке, оценке и использованию познавательных активов, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (материальной истины) и последующему обоснованию приговоров либо других правоприменительных решений. Он придерживался распространенного в середине XX в. дуалистического (как бы двойственного) подхода к пониманию доказательств: с одной стороны, считал таковыми промежуточные факты, вызывающие в свой совокупности убежденность в реальности или мнимости тех или иных фрагментов предмета доказывания, с другой — относил к ним (к доказательствам) предусмотренные законом источники сведений об этих фактах: свидетельские показания, заключения экспертов, вещественные доказательства, документы и пр.³⁸

Для своего времени дуалистический подход был достаточно удачной попыткой объяснения сложной и многогранной природы уголовно-процессуальных доказательств. Будучи более совершенной вариацией распространенного несколько ранее фактологического подхода, он сохранял основные

преимущества диалектико-материалистической основы теории доказывания: 1) понимание доказательств как логических доводов, аргументов, силлогистических посылок для формулирования выводов, составляющих фактическую основу приговоров либо иных правоприменительных решений; 2) признание доказательствами не апостериорных оснований для судебного убеждения (каковыми их считали многие дореволюционные ученые), а конкретных фактов. Одновременно дуалистический подход, увязывая доказательства с предусмотренными законом источниками полезных сведений, предопределял четко установленный порядок их собирания и процессуального оформления.

Вместе с тем подобным позициям были присущи и некоторые недостатки. В частности, такое понимание доказательств детерминировало потребность оценки на предмет достоверности и юридической пригодности к использованию в доказывании (допустимости) объективно существующих фактов. При этом принципиальная невозможность подобной оценки просто не принималась во внимание. Данное противоречие подметили несколько позднее — ученые-процессуалисты начали не без оснований заявлять, что сами по себе факты нельзя признавать доброкачественными или недоброкачественными, поскольку они либо есть, либо их нет³⁹. Кроме того, дуалистический подход был основан на смешении в единый массив и вытекающих из следов-отображений сведений, и выводимых путем их умственной генерации промежуточных фактов, что обуславливало доктринально-правовую неопределенность. Поэтому в более поздних работах М.С. Строгович был вынужден признать сложность подобного понимания доказательств⁴⁰, однако посчитал такую шероховатость вполне закономерной⁴¹.

Со временем дуалистический подход утратил свою приоритетность. Начиная с 60-х годов в научных публикациях стали высказываться достаточно близкие, но все же несколько иные точки зрения, появились лиминальный (переходный), синтетический, а чуть позднее — кибернетический (информационный) подходы к сущности уголовно-процессуальных доказательств⁴². Тем не менее взгляды М.С. Строговича и солидарных с ним авторов, по сути, стали методологическим фундаментом всех

³⁹ См., напр.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. С. 148.

⁴⁰ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 291.

⁴¹ См.: там же. С. 294.

⁴² См. подр.: *Россинский С.Б.* Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 190–195.

³⁷ См., напр.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 37; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 310, 311.

³⁸ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 237; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 288, 289.

последующих научных позиций. Ведь именно они были первой попыткой определения места и выявления роли доказательств в присущих уголовному процессу сложных и витиеватых механизмах доказывания и обоснования правоприменительных решений. Ввиду надлежашего осмысления многоступенчатости ретроспективного познания в трудах М.С. Строговича был сделан очень важный вывод о необходимости использования в доказывании и предопределенных следами-отображениями первичных информационных активов, способствующих установлению промежуточных фактов, и самих фактов (как бы вторичных активов), позволяющих мысленно реконструировать входящие в предмет доказывания обстоятельства либо убедиться в их отсутствии.

Несмотря на весьма широкий и разносторонний спектр научных интересов, Михаила Соломоновича никогда не покидала привязанность к проблемам, с рассмотрения которых, по сути, и началось его становление как крупного ученого — к процессуальному положению обвиняемого и гарантиям обеспечения его прав и законных интересов, усиливающим состязательное начало уголовного судопроизводства. Причем со временем его все сильнее стали привлекать различные аспекты презумпции невиновности и реализации права обвиняемого на защиту.

Сегодня эти правовые ценности, легально введенные в систему принципов уголовного судопроизводства (ст. 14, 16 УПК РФ), воспринимаются как само собой разумеющиеся, не вызывающие сомнения аксиоматические данности. Однако такой «правозащитный» климат существовал далеко не всегда — М.С. Строговичу достаточно долго приходилось отстаивать подобные идеи, фактически идя наперекор официальному вектору государственной политики в сфере уголовной юстиции, осознанно принимая на себя все связанные с этим риски. Например, в 1968 г. ему пришлось пережить цензурное исключение из текста уже напечатанного первого тома «Курса советского уголовного процесса» тезиса о необходимости введения презумпции невиновности в уголовно-процессуальное законодательство. По неожиданно поступившему «сверху» указанию весь более чем 13-тысячный тираж монографии был в спешном порядке изъят со склада издательства и подвергнут технической коррекции, выраженной в замене «проблемного» листа на новый, не содержащий столь «крамольного» предложения⁴³. «Следы» этой коррекции можно обнаружить, если внимательно ознакомиться с внешним

⁴³ См. подр.: Савицкий В.М. Когда теория становится реальностью // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. С. 15, 16.

видом и содержанием 351-й страницы книги⁴⁴.

Лишь после принятия в 1977 г. новой на тот момент Конституции СССР (т.н. Конституции развитого социализма) цензурные требования в части обеспечения презумпции невиновности и прочих гарантий обеспечения прав обвиняемых заметно ослабли — вектор государственной политики в сфере уголовной юстиции повернулся в другую сторону. Так, ст. 158 Конституции СССР прямо предписывала обеспечивать обвиняемому право на защиту, а ст. 160 содержала один из важнейших постулатов презумпции невиновности: прямой запрет на признание лица виновным в совершении преступления и назначения ему уголовного наказания иначе как в соответствии с законом и на основании приговора суда; аналогичными положениями характеризовались и принятые впоследствии основные законы союзных республик. Поэтому уже 16 июня 1978 г. было принято в определенной степени знаковое постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту», в котором такое право объявлялось одним из конституционных принципов Советского государства, а судам рекомендовалось принимать необходимые меры для его использования как важной гарантии установления истины и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Одновременно разъяснялось, что обвиняемого (подсудимого) надлежит считать невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, что обязанность доказывания обвинения возложена на обвинителя, что недопустимо обременять обвиняемого (подсудимого) обязанностью доказывания своей невиновности, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и что все неустранимые сомнения следует толковать в пользу обвиняемого (подсудимого).

Подобные обстоятельства предопределили новый этап научных изысканий М.С. Строговича, итогом которых стала опубликованная в 1984 г. монография «Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности». На основании результатов изучения тенденций развития советской

Следует отметить, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке, т. е. виновность должна быть установлена приговором суда, пока же противно не вынесено обвинительное постановление, вопрос о его виновности не разрешен.

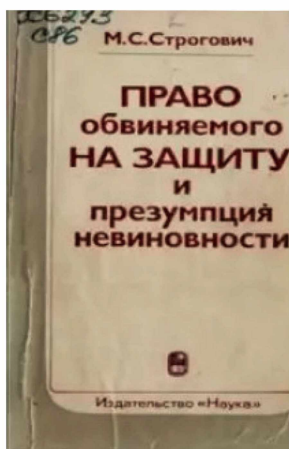
Но это — одна сторона, одна сторона проблемы невиновности. Другое ее требование, другое ее предельное состояние, без доказательств нельзя утверждать виновность обвиняемого, либо утверждать виновность обвиняемого в судопроизводстве, о виновности обвиняемого имеет значение лишь в том случае, если она обоснована на доказательствах, подтверждающих доказательств. Если же нет достаточных доказательств виновности обвиняемого — он признается невиновным.

Таким образом, можно отметить следующие положения невиновности. Если ограничить содержание презумпции невиновности только одним принципом обвинительного характера, то обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке, т. е. виновность должна быть установлена приговором суда, пока же противно не вынесено обвинительное постановление, вопрос о его виновности не разрешен.

Но это — одна сторона, одна сторона проблемы невиновности. Другое ее требование, другое ее предельное состояние, без доказательств нельзя утверждать виновность обвиняемого, либо утверждать виновность обвиняемого в судопроизводстве, о виновности обвиняемого имеет значение лишь в том случае, если она обоснована на доказательствах, подтверждающих доказательств. Если же нет достаточных доказательств виновности обвиняемого — он признается невиновным.

Таким образом, можно отметить следующие положения невиновности. Если ограничить содержание презумпции невиновности только одним принципом обвинительного характера, то обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке, т. е. виновность должна быть установлена приговором суда, пока же противно не вынесено обвинительное постановление, вопрос о его виновности не разрешен.

⁴⁴ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 351.



государственности и правовой системы, обстоятельного и скрупулезного анализа материалов правоприменительной практики автор постарался доказать первостепенное значение этих принципов для обеспечения подлинно законного, обоснованного и справедливого характера социалистического правосудия. В частности, утверждалось, что правильное понимание и применение презумпции

невиновности (к слову, М.С. Строгович считал ее не столько классической презумпцией, сколько юридической фикцией⁴⁵) позволяет исключить следственную либо судебную тенденциозность, обвинительный уклон, практику принятия поспешных решений о привлечении к уголовной ответственности лишь на основании подозрения, впечатления, предвзятого мнения. Говорилось, что презумпция невиновности предполагает бережное отношение к личности, защищает от уголовного преследования по случайному стечению обстоятельств, ложному оговору, содействует применению уголовных репрессий исключительно к нарушителям уголовного закона, лицам, причиняющим вред обществу и правопорядку, создающим угрозу безопасности и благополучию честных граждан⁴⁶.

Ввиду естественных биологических причин книга оказалась последней крупной работой М.С. Строговича — своеобразным венцом его многолетних научных исследований процессуального положения обвиняемых, гарантий обеспечения их прав и законных интересов. Она увидела свет уже после смерти автора, не дожившего до момента ее опубликования всего несколько месяцев, и, таким образом, стала достойным завершением профессионального и творческого пути великого ученого, в течение многих лет последовательно отстаивавшего право обвиняемого на защиту и презумпцию невиновности как неперменные атрибуты уголовного правосудия в цивилизованном государстве.

* * *

Уже почти 40 лет с нами нет Михаила Соломоновича. Но его научные позиции и выводы не теряют своей актуальности и значения для развития уголовно-процессуальной доктрины, совершенствования

⁴⁵ См.: *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1984. С. 80, 81.

⁴⁶ См.: там же. С. 74, 75.

законодательства и оптимизации правоприменительной практики. Ссылки на труды М.С. Строговича, имеющего один из самых высоких индексов цитирования среди ученых-правоведов, можно найти практически в любой публикации (монографии, научной статье, диссертации и т.д.), посвященной сущности и порядку уголовного судопроизводства в целом, а также самым разным уголовно-процессуальным правоотношениям, самым разным аспектам судебной, прокурорской, адвокатской, следственной и дознавательской деятельности. Современные ученые-процессуалисты в своих изысканиях продолжают идти по намеченным им направлениям научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ветрова Г.Н.* «Опередивший время» — Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 119, 120.
2. Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 64, 127, 148.
3. *Крыленко Н.В.* Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежегодник сов. юстиции. 1928. № 22. С. 641–643.
4. *Кудрявцев В.Н.* Грустный эпизод // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 190–196.
5. *Мерэн Л.* Кассационная жалоба как судебный документ в уголовно-кассационном деле // Рабочий суд. 1927. № 4.
6. Проблемы уголовной политики. Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. С. 60, 61.
7. *Россинский С.Б.* Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 190–195.
8. *Россинский С.Б.* Потерпевший: проблемы уголовно-процессуального статуса // Юрист-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 69–75.
9. *Россинский С.Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 61–63.
10. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–132.
11. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 310.
12. *Савицкий В.М.* Когда теория становится реальностью // Опередивший время: к столетию со дня рождения М.С. Строговича / под ред. В.М. Савицкого, А.М. Ларина. М., 1994. С. 15, 16.
13. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 5.
14. *Строгович М.С.* К пересмотру УПК (о принципиальной и методологической стороне вопроса) // Рабочий суд. 1928. № 1 (137). С. 8–11.

15. *Строгович М.С.* К реформе уголовно-процессуального кодекса // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 156–168.
16. *Строгович М.С.* Кассационная жалоба в уголовном деле (ответ т. Мерэну) // Рабочий суд. 1927. № 8. С. 669–674.
17. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 34, 36, 255, 256, 288, 289, 291, 294, 310, 311, 351.
18. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19–21, 37, 237.
19. *Строгович М.С.* На путях к новому уголовному праву // Рабочий суд. 1929. № 9 (169). С. 654–667.
20. *Строгович М.С.* Новый проект Уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. 1928. № 18 (154). С. 1381, 1382.
21. *Строгович М.С.* О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Соц. законность. 1957. № 5. С. 19–26.
22. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. 1974. № 9. С. 50–53.
23. *Строгович М.С.* О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 55–70.
24. *Строгович М.С.* О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1962. № 2. С. 106–114.
25. *Строгович М.С.* Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5. С. 45–52.
26. *Строгович М.С.* Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1934. С. 7, 25, 26, 28, 29, 32–34.
27. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1953. № 7. С. 58–72.
28. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1984. С. 74, 75, 80, 81.
29. *Строгович М.С.* Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 70–76.
30. *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 68, 69, 118, 119.
31. *Строгович М.С.* Рационализация уголовного процесса // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР. 1927. № 3. С. 14–17.
32. *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
33. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 17, 18, 56, 65, 97, 138.
34. *Строгович М.С.* Философия и правоведение (Некоторые методологические вопросы юридической науки) // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 74–82.
35. *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. государство и право. 1948. № 6. С. 65–72.
36. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1948. С. 10, 11.

REFERENCES

1. *Vetrova G.N.* “Ahead of its time” – Mikhail Solomonovich Strogovich // Judicial Power and Criminal Procedure. 2018. No. 1. P. 119, 120 (in Russ.).
2. Issues of legal proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR / ed. by S.A. Golunsky. M., 1959. P. 64, 127, 148 (in Russ.).
3. *Krylenko N.V.* Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR // Weekly of Soviet Justice. 1928. No. 22. P. 641–643 (in Russ.).
4. *Kudryavtsev V.N.* Sad episode // Ahead of its time. On the centenary of the birth of M.S. Strogovich / ed. by A.M. Larin, V.M. Savitskiy. M., 1994. P. 190–196 (in Russ.).
5. *Meren L.* Cassation complaint as a judicial document in a criminal cassation case // Workers’ Court. 1927. No. 4 (in Russ.).
6. Problems of criminal policy. Book IV / ed. by N.V. Krylenko. M., 1937. P. 60, 61 (in Russ.).
7. *Rossinskiy S.B.* Evidence in Criminal Procedure: the view of a scientist 10 years later... // Proceedings of the IGP of the RAS. 2023. Book 18. No. 3. P. 190–195 (in Russ.).
8. *Rossinskiy S.B.* Victim: problems of criminal procedural status // Lawyer – Legal expert. 2020. No. 3 (94). P. 69–75 (in Russ.).
9. *Rossinskiy S.B.* The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of various types of Criminal Procedure // State and Law. 2023. No. 4. P. 61–63 (in Russ.).
10. *Rossinskiy S.B.* Criminal procedural form VS rules of criminal procedural paperwork // Proceedings of the IGP of the RAS. 2023. Book 18. No. 1. P. 116–132 (in Russ.).
11. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for the name of Peace. M., 2021. P. 310 (in Russ.).
12. *Savitskiy V.M.* When theory becomes reality // Ahead of its time. On the centenary of the birth of M.S. Strogovich / ed. by A.M. Larin, V.M. Savitskiy. M., 1994. P. 15, 16 (in Russ.).
13. Soviet Criminal Procedure: textbook / ed. by D.S. Karev. M., 1956. P. 15, 16 (in Russ.).
14. *Strogovich M.S.* Towards a revision of the Code of Criminal Procedure (on the fundamental and methodological side of the issue) // Workers’ Court. 1928. No. 1 (137). P. 8–11 (in Russ.).
15. *Strogovich M.S.* Towards the reform of the Criminal Procedure Code // Soviet State. 1932. No. 9–10. P. 156–168 (in Russ.).
16. *Strogovich M.S.* Cassation complaint in a criminal case (reply vol. I’m freezing) // Workers’ Court. 1927. No. 8. P. 669–674 (in Russ.).
17. *Strogovich M.S.* Course of Soviet Criminal Procedure. M., 1968. Book 1. P. 34, 36, 255, 256, 288, 289, 291, 294, 310, 311, 351 (in Russ.).
18. *Strogovich M.S.* Material truth and judicial evidence in Soviet Criminal Procedure. M., 1955. P. 19–21, 37, 237 (in Russ.).
19. *Strogovich M.S.* On the path to a new Criminal Law // Workers’ Court. 1929. No. 9 (169). P. 654–667 (in Russ.).

20. *Strogovich M.S.* New draft of the Criminal Procedure Code // Workers' Court. 1928. No. 18 (154). P. 1381, 1382 (in Russ.).
21. *Strogovich M.S.* About the inquiry and preliminary investigation and on the "unified investigative apparatus" // Social Legality. 1957. No. 5. P. 19–26 (in Russ.).
22. *Strogovich M.S.* On the unified form of criminal proceedings and the limits of its differentiation // Social Legality. 1974. No. 9. P. 50–53 (in Russ.).
23. *Strogovich M.S.* On the system of the science of judicial law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. P. 55–70 (in Russ.).
24. *Strogovich M.S.* On adversarial and procedural functions in Soviet criminal proceedings // Pravovedenie. 1962. No. 2. P. 106–114 (in Russ.).
25. *Strogovich M.S.* On the acquittal due to the lack of evidence of the defendant's participation in the commission of a crime // Pravovedenie. 1983. No. 5. P. 45–52 (in Russ.).
26. *Strogovich M.S.* The prosecution and the accused at the preliminary investigation and at trial / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1934. P. 7, 25, 26, 28, 29, 32–34 (in Russ.).
27. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense in the Soviet Criminal Procedure // Soviet State and Law. 1953. No. 7. P. 58–72 (in Russ.).
28. *Strogovich M.S.* The right of the accused to defense and the presumption of innocence / ed. by V.M. Savitsky. M., 1984. P. 74, 75, 80, 81 (in Russ.).
29. *Strogovich M.S.* Presumption of innocence and termination of criminal cases on non-rehabilitating grounds // Soviet State and Law. 1983. No. 2. P. 70–76 (in Russ.).
30. *Strogovich M.S.* The nature of the Soviet Criminal Procedure and the principle of competition. M., 1939. P. 68, 69, 118, 119 (in Russ.).
31. *Strogovich M.S.* Rationalization of the Criminal Procedure // Bulletin of the Supreme Court of the USSR and the Prosecutor's Office of the Supreme Court of the USSR. 1927. No. 3. P. 14–17 (in Russ.).
32. *Strogovich M.S.* The essence of legal responsibility // Soviet State and Law. 1979. No. 5. P. 72–78 (in Russ.).
33. *Strogovich M.S.* Criminal prosecution in Soviet Criminal Procedure. M., 1951. P. 17, 18, 56, 65, 97, 138 (in Russ.).
34. *Strogovich M.S.* Philosophy and jurisprudence (Some methodological issues of legal science) // Soviet State and Law. 1965. No. 6. P. 74–82 (in Russ.).
35. *Tadevosyan V.S.* On the issue of establishing material truth in the Soviet Procedure // Soviet State and Law. 1948. No. 6. P. 65–72 (in Russ.).
36. *Cheltsov M.A.* Soviet Criminal Procedure. M., 1948. P. 10, 11 (in Russ.).

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук, главный редактор журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ROSSINSKIY Sergey B. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia